

УДК 81'44

Каксин А.Д.
Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова
Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и
истории
г. Абакан
E-mail: adkaksin@yandex.ru

МИРОВОЗЗРЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА И ЕГО ОТРАЖЕНИЕ В ЯЗЫКЕ (К ПРОБЛЕМАТИКЕ СОВРЕМЕННОГО ТИПОЛОГИЧЕСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ)

Аннотация. В статье на материале языков разной структуры обосновывается необходимость учета типологической компоненты в исследованиях естественных языков. Приводятся примеры того, что некоторые фрагменты лексической картины мира «опираются» на «повседневное» человеческое сознание, а другие – на «виртуальное» (разновидностью последнего является сакральное, мифологическое сознание). Устройство выявленных семантических фрагментов, на взгляд автора, характеризуется чертами, которые интересны специалистам в области лингвистической типологии. Указывается, что наблюдаемая в разных языках специфика свидетельствует не об отличии мышления одних групп людей от других, а о гибкости человеческого мышления и, значит, о принципиальной возможности выражать одни и те же понятийные категории разными языковыми средствами.

Ключевые слова: мировоззрение, языковые средства, явления языка, лингвистическая типология, хакасский язык, хантыйский язык.

Kaksin A.D.
Khakass State University
Khakass Research Institute of Language, Literature and History
Abakan
E-mail: adkaksin@yandex.ru

HUMAN OUTLOOK AND ITS REFLECTION IN LANGUAGE (TO THE PERSPECTIVE OF MODERN TYPOLOGICAL LINGUISTICS)

Abstract: The article grounds the necessity of taking into account the typological component in natural languages research on the basis of different structure languages. Examples of the fact that one fragments of vocabulary «rely» on ordinary, «daily» human consciousness, while others do on «virtual» one are given (virtual, sacred and mythological consciousness serving as the options for the last). The author believes the structure of the revealed semantic fragments to be of certain interest to experts in the field of a linguistic typology and comes to the important conclusion that variable linguistic features are the result of human mind flexibility rather than of different ways of thinking, thus making it possible to express the same conceptual categories via various linguistic means.

Keywords: outlook, linguistic means, linguistic phenomena, linguistic typology, the Khakass language, the Khanty language.

Проблема наличия прототипов грамматических и лексических значений, представляющих собой результат мыслительной деятельности человека, рассматривается специалистами в области семантики, логики, этнолингвистики, когнитивной лингвистики, типологического языкознания. Все эти направления можно объединить термином *неогумбольдтианство*.

«Неогумбольдтианцы утверждают, что язык определяет мышление и познание, а тем самым и картину мира, и культуру, и цивилизацию. В результате этого носители разных языков создают разные картины мира, культуры и цивилизации» [3, с.107]. Эта же мысль прослеживается и в гипотезе лингвистической относительности Э. Сепира-Б. Уорфа, не получившей, как известно, явного доказательства. Однако в ней концентрированно выражены положения, которые актуальны для современного языкознания, в частности положения лингвистической типологии в контексте этнолингвистики, изучающей с помощью лингвистических методов «план содержания» культуры, народной психологии и мифологии, независимо от способов их формального представления (слово, предмет, обряд и т.п.)» [5, с. 597], поскольку «люди членят мир, организуют его в понятия и распределяют значения так, а не иначе, поскольку являются участниками некоторого соглашения, имеющего силу лишь для этого языка» [4, с. 443]. На наш взгляд, данный постулат стал частью современной лингвистики. В последние десятилетия отчетливо расширились рамки типологического подхода к языковым фактам. Оказалось, что под этим углом зрения можно рассматривать практически любое языковое явление. Другими словами, появились новые возможности исследования общих закономерностей различных языков.

Собственно говоря, из этих общих положений мы и выводим наше следующее, более частное: традиционная система взглядов древних людей находит определенное, отражение в их языках, и прежде всего – в устном творчестве, то есть в фольклорных произведениях. Конечно же, народное сознание, кодируемое вербальными средствами, никоим образом не коррелирует с требованиями жанра, например, «в тувинских загадках о природе, человеке, быте, хозяйстве многие даже сугубо материальные образы одухотворены, осмыслены мировоззренчески, что в целом загадке как фольклорному жанру не свойственно» [6, с. 153]. Пожалуй, сказанное о тувинских загадках можно отнести к хакасским загадкам, загадок, пословиц

ам и поговоркам: *хортых кізі хозаннаң даа хорыхчаң* «трусливый и заяц боится», *хозан осхас хортых, сеек осхас маңзырос* «труслив, как заяц, тороплив, как муха», *хоосха осхас сайбагчы, хозан осхас хортых* «пакостный, как кошка, трусливый, как заяц», *хызыл тұлғу ахчаа турчаң, хыс кізі халыга турчаң* (посл.) «красная лиса (имеется в виду ее шкура) стоит денег, за девушку нужно платить калым», *пүүр уханчыл, чир хулахтыг полчаң* «волк бывает прозорливым и внимательным» (у хакасов относятся к волку уважительно, так как тюрки считают своей прародительницей Белую Волчицу), *аңнап-хустап сыгарда, ізестіг аргыс таап ал* «прежде чем идти на охоту, найди верного друга (здесь просматривается уважительное отношение хакасов к природе; отсюда и негласные правила поведения в тайге: нельзя громко говорить, хвастать, разводиться на дороге костер и т.д.); *аңчы кізі ачын полбачаң* (поговорка) «охотнику нельзя быть алчным» (то есть у природы надо брать в меру).

Анализ эмпирического материала, в качестве которого нами использованы конструкции, зафиксированные в лексикографических и иных источниках, позволил рассмотреть наши постулаты с позиций лингвистической типологии. Общая мысль, на первый взгляд, достаточно проста: типология как общенаучный метод основывается на принципиальной возможности разделить все многообразие объектов (в нашем случае – языков, уровней и категорий языка, отдельных единиц и явлений) сначала на большие типы, а затем и внутри типов найти или установить закономерный порядок. Таким образом, и соотношение народного сознания (мышления) и языка народа вполне может быть сведено к определенным моделям, разложено на типы. Например, в современных языках представлены разные способы представления человеческих эмоций, отдельных действий человека, его восприятия времени и пространства. Так, в русском и хакасском языках различаются способы глагольного обозначения «черной» и «белой» зависти.

«В русском языке, если речь идет только о «белой зависти», употребляются выражения: Я тебе по-хорошему завидую; Я завидую вам

белой завистью, а также неременным условием функционирования подобных высказываний являются доверительно-доброжелательные взаимоотношения коммуникантов. В хакасском языке при выражении «белой зависти» не применяются конкретизаторы, как в русском языке, однако это чувство-отношение обычно интуитивно «прочитывается» в тоне и содержании высказывания» [9, с. 75]. Интересен и факт отражения в языке того специфического восприятия окружающего пространства, которое свойственно народам Кавказа: «Горы предопределяют линию поведения горца во всех сферах его жизнедеятельности: физической, моральной, духовной. Гора – самая значимая, основополагающая категория в ментальности кавказца, определяющая его онтологическую картину мира. Характерно отсутствие в большинстве кавказских языков понятия “горизонт”... Внимание горца не рассеивается в беспредельном пространстве жителя равнины, оно более сосредоточенно» [1, с. 100]. Можно принять во внимание и особенности репрезентации в этнических языковых картинах мира взаимоотношений человека, животных и ландшафта, наиболее выразительно проявляющихся в табу, эвфемизмах, в конструкциях с зоонимическими компонентами, в частности фразеологических и паремических средствах. На наш взгляд, типология языковых единиц и синтагм, актуализированных в контексте «человек – окружающая действительность», наблюдается прежде всего в вербальных табу и эвфемизмах. Объясняется это тем, что на ум первыми приходят именно они, когда необходимо вычлениить те фрагменты языковой картины мира, которые являются отражением мировосприятия этнического коллектива. Например, можно сравнить охотничьи табу и эвфемизмы, представленные в хакасском языке, с аналогичными лексическими единицами хантыйского языка, в котором словарь «медвежьего языка» включает в себя около ста слов: это как номинации самого медведя, так и частей его тела, действий и т.д. Из этого сравнения можно вывести следующее: «медвежий язык» в составе хантыйского языка – это пример собственно табу (т.е. жесткой

микросистемы, в которую нельзя вносить даже минимальные изменения). Очевидно, это связано с культом медведя в прошлом у ханты. А «охотничий язык» хакасов, который, несмотря на то, что не отличается от обычного языка, не содержит табу. В этих так называемых «подставных» названиях хакасского языка можно выделить две группы:

а) описательные образные обороты, например, *узун азах* «длинноногий» в значении «лошадь».

Особенностью хакасского языка является то, что некоторые подставные номинации пересекаются с табуированными словами, а некоторые – с описательными образными оборотами. В разных источниках мы находим языковые единицы, в которых отражено почтительное отношение как к медведю, так и волку. Во многих образных средствах (пословицах, поговорках, фразеологических оборотах) волк имеет пейоративную оценку, например, *пүөр* «волк»: *пүөр хылыхтыг кизи* «жестокий, свирепый человек»; *пүөр чарымы* «негодяй, подлец (букв. волка половина)»; *пүөр чох таг чогул, чабалы чох чон чогул погов.* «нет гор без волка, нет народа без дурного»; *пүөр – чир хулахтыг погов.* «и стены имеют уши (букв. волк имеет земляные уши)» [8, с. 408].

В переносном значении используется и слово *түлгү* «1) лиса. 2) перен. плутовка; хитрец, льстец»; *түлгүчек полба!* «не будь плутовкой!» *түлгү – хайдар, хузуругы – андар погов.* «куда лиса, туда и хвост»; *түлгү түзінде дее таңах көрче погов.* «лиса и во сне видит кур» [8, с. 691]; *хозан* «заяц»; *хозан чүрек* «трусливый, заячья душа»; *хозан пас* «глупец; разг. бестолочь»; *хозан сүрерге* «мерзнуть (так, что нельзя заснуть)» [8, с. 833];

б) табуированные слова: *сөök пас* «костяная голова (белка)», *саарасхыр* «соловый жеребец (колонок)», *чирик пурун* «раздвоенный нос (заяц)», *сазах оды* «пахучее курево (табак)», *кистиг* «резак (нож)», *сапачах* «топор», *атынчаң* «то, чем стреляют (ружье)», *тоглах* «круглый (пуля)», *піденген* «замаранная (собака)», *хызарган* «краснеющее (мясо)», *типсечең* «то, что топчут (зола)», *сарыгмай* «желтеющий (дрова)», *хахтыг* «таган» [7, с. 28-29].

Таким образом, в хакасском языке также имеется пласт табуированных лексических единиц (в виде части слов охотничьего языка), но в то же время отсутствует собственно табу, группы слов, заменяемых другими словами в обрядовых текстах и проникающих в другие фольклорные тексты.

Можно также сравнивать пословицы и поговорки, широко представленные в разных языках, например, на предмет того, какие в них отражаются ценностные смыслы, как достигается точность и меткость в «донесении мысли» при использовании этих коротких речевых произведений. Такое исследование, действительно, было проведено: известный лингвист О.А. Корнилов сравнил 115 пословиц русского и китайского языков (китайский вариант пословицы дается в буквальном переводе): *Лиха беда начало = Дорога в тысячу ли начинается с первого шага; Чужая душа – потемки = Когда знаешь человека, то знаешь лишь его лицо, но не знаешь его сердце; Шила в мешке не утаишь = В бумажном пакете не удержишь огня*, в результате анализа которых он пришел к следующему выводу: «Приведенных пословиц, думается, достаточно, чтобы почувствовать особенность восточного мировосприятия и мирооценки. Особенность эта, как видно из примеров, заключается не в наборе нравственно-ценностных смыслов (т. е. не в наборе идеологем), а в изобразительных средствах, используемых языками для выражения этих смыслов, и в общей стилистической тональности» [2, с. 273].

Особую роль при выражении смыслов, важных с точки зрения этнического мировоззрения, мы склонны приписывать и определенной части междометий. К числу таковых, в частности, в хакасском языке, мы бы отнесли междометия *пой!* «о! ой, беда!», *эй-а* «ах; эх», *обал-худай* «ей-богу», *че* «ну; давай», некоторые другие: *Пой!* межд. «о! ой, беда! (выражает удивление)»; *пой, пу паланы* «ох, и беда с этим ребенком» [8, с. 375]. *Эй-а* межд. «ах; эх (выражает удивление, восхищение)»; *эй-а! аттар хайди хаалыхтапча* «ах! как несутся галопом кони»; *эй-а, хайдаг сілігдір!* «ах, какая красота!» [8, с. 1053]. *Обал-худай* межд. «ей-богу»; *обал-худай, минде пыро*

чогул «ей-богу, нет на мне вины»; *обал-худай, көрбеем, иснеем* «ей-богу, [я] не видел и не слышал» [8, с. 291]. *Че* межд. «ну; разг. давай (выражает побуждение к действию)»; *че, параң* «ну пойдём»; *че одыр* «ну садись»; *че чоохта* «ну (давай) рассказывай» [8, с. 959].

Исходя из вышеизложенного, можно утверждать, что типологическая характерология встречается даже в тех семантических сферах, которые, на первый взгляд, “зависят от” ментальности этноса. Другими словами, наблюдаемая в разных языках специфичность языковых фактов свидетельствует не о различии человеческого мышления, а о его гибкости и, значит, о принципиальной возможности выражать одни и те же понятийные категории разными языковыми средствами. Выявление конкретных форм репрезентации понятийных категорий и составление типологии этих форм является одной из важных задач современных лингвистов.

Библиография

1. Башиева С.К., Геляева А.И., Кучукова З.А. Смыслы и образы времени и пространства в системе этнической идентичности//Философские науки. – 2011. – №1. – С. 87-107.
2. Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. 2-е изд., испр. и доп. – М.: ЧеРо, 2003. – 349 с.
3. Кронгауз М.А. Семантика: Учебник для вузов. – М.: Российский гос. гуманитар. ун-т, 2001. – 399 с.
4. Кузнецов А.М. Сепира-Уорфа гипотеза (гипотеза лингвистической относительности)// Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990.
5. Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 685 с.
6. Курбатский Г.Н. Традиционное мировоззрение тувинцев в их загадках// Аборигены Сибири: Проблемы изучения исчезающих языков и культур: Тезисы Международной научной конференции. Новосибирск (Академгородок), 26-30 июня 1995 г. Том II: Археология. Этнография. – Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 1995. – С. 153-155.
7. Патачаков К.М. Некоторые сведения об охоте хакасов// Рукописное наследие Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Выпуск №1. – Абакан, 2006. – 37 с.
8. Хакасско-русский словарь = Хакас-орыс сөстiк. Коллектив авторов-составителей. – Новосибирск: Наука, 2006. – 1114 с.
9. Чертыкова М.Д. Глаголы со значением эмоции в хакасском языке: парадигматика и синтагматика. – Абакан: Изд-во ФГБОУ ВПО «Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова», 2015. – 160 с.

References

1. Bashieva S.K., Gelyaeva A.I., Kuchukova Z.A. Smysly i obrazy vremeni i prostranstva v sisteme etnicheskoy identichnosti // Filosofskie nauki. – 2011. – №1. – S. 87-107.

2. Kornilov O.A. Yazykovye kartiny mira kak proizvodnye nacionalnykh mentalitetov. 2-e izd., ispr. i dop. – M.: CheRo, 2003. – 349 s.
3. Krongauz M.A. Semantika: Uchebnik dlya vuzov. – M.: Rossiyskiy gos. gumanit. un-t, 2001. – 399 s.
4. Kuznecov A.M. Sepira–Uorfa gipoteza (gipoteza lingvisticheskoy otnositelnosti) // Lingvisticheskiy enciklopedicheskiy slovar. – M.: Sovetskaya enciklopediya, 1990.
5. Lingvisticheskiy enciklopedicheskiy slovar. – M.: Sovetskaya enciklopediya, 1990. – 685 s.
6. Kurbatskiy G.N. Tradicionnoe mirovozzrenie tuvincev v ikh zagadkakh// Aborigeny Sibiri: Problemy izucheniya ischezayushchikh yazykov i kultur: Tezisy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferencii. Novosibirsk (Akademgorodok), 26-30 iyunya 1995 g. Tom II: Arkheologiya. Etnografiya. – Novosibirsk: Izd-vo Instituta arkheologii i etnografii SO RAN, 1995. – S. 153-155.
7. Patachakov K.M. Nekotorye svedeniya ob okhote khakasov//Rukopisnoe nasledie Khakasskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta yazyka, literatury i istorii. Vypusk №1. – Abakan, 2006. – 37 s.
8. Khakassko-russkiy slovar = Khakas-orys söstik. Kollektiv avtorov-sostaviteley. – Novosibirsk: Nauka, 2006. – 1114 s.
9. Chertykova M.D. Glagoly so znacheniem emocii v khakasskom yazyke: paradigmatica i sintagmatika. – Abakan: Izd-vo FGBOU VPO «Khakasskiy gosudarstvennyy universitet im. N.F. Katanova», 2015. – 160 s.